

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук **Л.Н. Ермоленко**; докт. культурологии **Л.С. Марсадолов**;
канд. ист. наук **Ю.И. Ожередов**; докт. ист. наук **Т.Д. Скрынникова**;
докт. филос. наук **О.М. Хомушко**; докт. ист. наук **Л.И. Шерстова**;
докт. ист. наук **С.А. Яценко**

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/G, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная грация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыях в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнев Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Соккон-І // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НА КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ УРАЛА

Возникновение погребального обряда привело к появлению и разнообразных действий с костями умершего (погибшего) человека. К ним можно отнести перезахоронения костей, выкладывание костей скелета или его части в анатомическом или ином порядке, замена одних костей человека на другие, преднамеренное нарушение анатомической целостности костяка, расчленение трупа и т.п. Упомянутые действия являются частью погребальной обрядности, хорошо представлены в литературе и в данной работе не рассматриваются.

Однако некоторые погребения могли выступать и в качестве жертвоприношений. В европейской археологии принято выделять строительные жертвы, погребения на святилищах и могильниках представителей родовой знати, детей, а также захоронения «колдунов» (Медникова М.Б., 2001, с. 138). Такие жертвоприношения были обращены к сверхъестественным силам. Часто они совершались в критических для конкретного общества ситуациях.

Выделять подобные погребения-жертвоприношения на могильниках очень сложно. Тем не менее такие попытки производятся. Например, А.П. Бужилова, анализируя сложные религиозные представления, отчетливо реконструируемые по богатейшим и неординарным материалам парного сунгирского погребения детей, пришла к выводу о возможном жертвенном характере данного захоронения. По ее мнению, ритуальная смерть детей должна была обеспечить выживание и процветание всего рода (Бужилова А.П., 2000, с. 441–448).

На Урале некоторые погребения предположительно можно рассматривать как сопровождающие захоронения социально значимых лиц. Самым ранним захоронением подобного характера можно считать погребение женщины в гроте камня Дождевого (р. Чусовая, Средний Урал). В гроте был захоронен убитый каменным наконечником стрелы мужчина, которого сопровождал богатый погребальный инвентарь. Особенности погребального обряда и инвентаря позволяют предполагать в захороненном слугу культа – шамана (Сериков Ю.Б., 1998, с. 33–36). Рядом с шаманом была похоронена женщина, одежду которой украшали 73 подвески из нижних клыков выдры. Погребения были совершены одновременно, что доказывается наличием в них фрагментов одного и того же сосуда. Учитывая, что в мифологии северных народов выдра являлась духом, помощником шамана, можно предположить, что захороненная женщина также являлась помощницей шамана и была насильственно умерщвлена (принесена в жертву) в связи со смертью шамана (Сериков Ю.Б., 1998, с. 36–37). Оба погребения датируются эпохой неолита (4510–4242 лет до н.э. – СОАН-5154). Следует отметить, что еще в 1990 г. А.И. Соловьев (1990, с. 102) высказал предположение, что смерть шамана сопровождалась смертью его сородичей.

К подобным сопровождающим захоронениям можно отнести и одно из погребений могильника Березки-V (оз. Аргази, Южный Урал). Под каменной вымосткой находилось два погребения. Основное захоронение располагалось в каменном ящике. Частично обожженный костяк сопровождали 18 костяных подвесок и одна каменная. Второе погребение (пол не определен) было безынвентарным (Шорин А.Ф., 1991, с. 68–71). Именно оно и являлось сопровождающим. Погребения датируются эпохой неолита–энеолита.

Возможно, остатками сопровождающего погребения являются разрозненные кости взрослого человека, найденные в Усть-Катавской-II пещере (Южный Урал). Они залегали над погребением ребенка с богатым погребальным инвентарем, который состоял из 150 подвесок, пронизок и бус из камня, кости и раковин (Биби-ков С.Н., 1950, с. 113–117).

Начиная с эпохи энеолита своеобразные жертвенно-погребальные комплексы появляются на разнообразных культовых памятниках. На святилище лесостепного Зауралья Савин-1 обнаружены ритуальные погребения двух взрослых мужчин и девушки.

На аналогичном святилище Слободчики-1 найден неполный скелет женщины 50–60 лет (Вохминцев М.П., 2000, с. 148). Кремированные останки взрослого человека выявлены в щели между валунами на скальном святилище Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро, Средний Урал). Погребальный инвентарь состоял из фрагментов керамики эпохи энеолита, отдельных каменных и костяных изделий и 76 костяных подвесок. Жертвоприношение в виде обгоревших костей ребенка отмечено на культовом памятнике Палатки-I (окрестности Екатеринбурга). Датируется ритуальный комплекс поздним бронзовым веком (Викторова В.Д., 2000, с. 178).

Погребения жертвенного характера исследованы и в раннем железном веке Среднего Прикамья. На жертвенном месте поселения Половинное-I обнаружено два ритуальных безынвентарных захоронения. Одно из них принадлежало взрослому человеку, у которого отсутствовали кисть правой руки и стопа левой ноги. Кости второго человека были перемешаны с костями животных. Оба жертвенных комплекса датируются V–IV вв. до н.э. Останки 10 детей в возрасте от грудного до 8–10 лет зафиксированы на Гремячанском святилище IV–III вв. до н.э. Только два костяка сохраняли анатомический порядок, остальные имели следы искусственного расчленения. В девяти случаях были разбиты черепа, в пяти – кости носили следы термического воздействия (Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1991, с. 41–42).

Известны подобные жертвоприношения и на восточном склоне Урала. На Южном святилище Шайтанского озера (Среднее Зауралье) между валунами найдены кремированные останки женщины. Ее голова была отрезана и помещена между двух валунов. На черепе сохранились остатки налобной повязки, к которой на уровне висков крепились медные диски диаметром около 4 см. Захоронение относится к иткульской культуре раннего железного века – V–III вв. до н.э. (Серигов Ю.Б., 2008, с. 291).

В последние годы все чаще археологи фиксируют обряды, связанные с жертвоприношением на святилищах отрезанных голов или черепов. В основании Усть-Вагильского холма – культового сооружения Северного Зауралья – обнаружено неолитическое костыще, в котором зафиксировано семь человеческих черепов (устное сообщение С.Н. Паниной). На энеолитическом святилище Савин-1 в жертву были принесены черепа взрослого человека и ребенка (Потемкина Т.М., 2007, с. 207). В Ингальской долине (Тюменская

обл.) на площади памятника Остров-2 обнаружена серия ям, в двух найдены остатки человеческих жертвоприношений. В одной яме находился череп и первый шейный позвонок ребенка 7–8 лет (можно предполагать, что голова была отрублена или отрезана), а во второй – череп ребенка 4–5 лет (Матвеев А.В. и др., 1997, с. 153). Жертвоприношение человеческого черепа отмечено на береговом валу Карасьего озера (Свердловская обл.) (Мамин Д.Н., 1894, с. 46). Выше упоминалась отрезанная голова женщины с Южного Шихана. Раздавленный череп человека найден еще на одном святилище Шайтанского озера – Шайтанском Шихане (Сериков Ю.Б., 2007, с. 45). Два человеческих черепа обнаружены у подножья Больших каменных палаток с нанесенными на них наскальными изображениями (оз. Большие Аллаки, Южный Урал) (Чернецов В.Н., 1971, с. 47). Следует подчеркнуть, что несколько каменных останцов этого комплекса имеют очертания, напоминающие человеческие черепа. Полуобожженный череп и крупные фрагменты еще двух найдены на Туманском костыше (Северный Урал), которое датируется VIII–XIX вв. н.э. (Викторова В.Д., 1999, с. 151–152).

Энеолитическое погребение на Аятском озере (Средний Урал) совершено без головы. Голова была захоронена отдельно, в жилище (Берс Е.М., 1976, с. 197–200). По всей видимости, с отчлененной головой был погребен мужчина на энеолитическом поселении Дружный. Голова стояла теменем вверх, а шейные позвонки находились в сосуде (Шорин А.Ф., 1982, с. 184–185). Подобная ситуация зафиксирована и в гроте у Каменного Кольца: череп погребенного находился в центре могилы затылочным отверстием вверх (Бадер О.Н., 1973, с. 104–109). Отсутствовал череп и в погребении из навеса Старичный Гребень (Бибииков С.Н., 1950, с. 109–110). В одной из могил Кара-Якуповского энеолитического могильника (погребение 5) был захоронен только череп. Он лежал теменем вниз в окружении нескольких подвесок из камня и кости (Морозов Ю.А., 1984, с. 45). На культовой площадке бронзового века памятника Шайтанское озеро-II в каменной оградке мелкие кальцинированные косточки черепа младенца залегали в сопровождении миниатюрного сосудика (Сериков Ю.Б. и др., 2009, с. 70).

Подобные погребения известны и на смежных территориях. Исследования могильника Боровянка-XVII (Омская обл.) выявили целый ряд энеолитических погребений, у которых отсутствовали черепа. В парном захоронении (могила 64) у погребенных детей

были отделены черепа. Также отсутствовал череп и в могиле 46. Череп из могилы 4 был захоронен в отдельной ямке рядом с костяком. Встречены и отдельные захоронения черепов, в одном случае групповые (могила 83) (Хвостов В.А., 2001, с. 134).

Интересные сведения по реконструкции погребального обряда позднебронзового века приводит В.В. Бобров. В могильнике Журавлево-4 у 27 из 150 погребенных череп отсутствовал. В 49 случаях зафиксировано отделение головы умершего с последующим помещением ее в могилу лицом к земле (Бобров В.В., 1995, с. 4–5). Такие примеры можно умножить (Вадецкая Э.Б., 1980, с. 104–117; Шерстобитова О.С., 2007, с. 55).

Особенности в обрядовых действиях с черепами людей, зафиксированные на разных памятниках, на взгляд автора, свидетельствуют о неоднозначности ритуалов, связанных с представлениями о черепе (Усманова Э.Р., 2001, с. 116–117; Сериков Ю.Б., 2002, с. 173–180). В энеолитическом могильнике Боровянка-XVII, а также на Гремячанском святилище существовал ритуал преднамеренного разбивания черепов. Возможно, такой же особенностью ритуала является находка двух черепов в неолитическом могильнике Братский Камень, залегающих рядом с могилой и как бы вставленных один в другой (Окладников А.П., 1976, с. 141). Следы необычного ритуала с черепом погребенного отмечены в неолитическом могильнике Дуонкалис (Литва): все органы контакта человека с окружающим миром (глаза, уши, нос и рот) были заткнуты просверленными резцами лося (Бутримас А., Гирининкас А., 1990, с. 152–153).

На многих культовых памятниках (пещерных святилищах, жертвенных местах на вершинах гор, скал и шиханов, костыщах и жертвенных площадках, у подножья писаниц) часто обнаруживались разрозненные кости человека. Обычно их принимали за разрушенные погребения, но с накоплением фактов стало ясно, что они являются остатками жертвоприношений.

Чаще всего такие человеческие останки находят в пещерах. Много их и в пещерах Урала. На Южном Урале по несколько десятков разрозненных человеческих костей обнаружено в пещерах Бурановская, Усть-Катавская-II, Смеловская-2, Верхне-Бейдинская, Сухарышская Сквозная-2, гроте Кульметовский и др. Причем в Верхне-Бейдинской пещере найдено несколько десятков костей взрослого человека и ребенка. Столько же костей обнаружено и в Сухарышской Сквозной-2 пещере. Фрагменты черепа человека

найжены в Копейско-Зауральской пещере. Вместе с костями взрослого человека и новорожденного ребенка в Кульметовском гроте залегала костяная подвеска с нарезками по периметру. В известной своими рисунками Игнatieвской пещере отмечены находки отдельных костей ребенка и взрослого человека. На некоторых костях имеются следы рубки. Человеческие кости выявлены в девяти пещерах Сикийз-Тамакского пещерного комплекса р. Ай (Башкортостан) (Бибиков С.Н., 1950, с. 98, 113–119; Кокшаров С.Ф., Широков В.Н., 1990, с. 66–69; Петрин В.Т., 1992, с. 157, 197–198; Юрин В.И., 2004, с. 350–352; Воробьева С.Л., 2008, с. 47).

Пещеры Среднего и Северного Урала беднее такими находками, быть может, только потому, что их исследования проводились не в таком объеме. Отдельные кости человека выявлены в пещере Котел (р. Чусовая). С эпохой мезолита связаны находки двух метаподий, в энеолитическом слое найдены пястная кость руки и нижний конец плюсневой кости взрослой особи. А в слое раннего железного века выявлены кальцинированные и сильно дробленные фрагменты черепа и первая фаланга человека. В Пещере Туристов (р. Чусовая) найден обломок бедренной кости (Серигов Ю.Б., 2004, с. 42), в Уньинской (р. Унья, Северный Урал) – 9 зубов и 3 фаланги от двух особей (Канивец В.И., 1964, с. 130), в гроте Бурмантовский и в пещере Жилище Сокола – по зубу. Также отдельные кости человека найдены в гроте Зотинском (р. Пышма) (Петрин В.Н., Смирнов Н.Г., 1977, с. 64) и в пещере, расположенной в Георгиевских скалах на р. Чусовой (устное сообщение П.А. Косинцева). Следует подчеркнуть, что большая часть человеческих останков, найденных в пещерах, относится к раннему железному веку.

Известны немногочисленные находки человеческих костей и на святилищах, расположенных на скалах, шиханах или вершинах гор (Голый Камень, останец Старичный, Шайтанский, Южный и Средний Шиханы). На Шайтанском Шихане, кроме раздавленного черепа, найдено около 800 сильно дробленных кальцинированных костей взрослого человека и ребенка, которые были рассеяны практически по всей восточной части святилища. На Южном Шихане найдено скопление, в котором выявлены разрозненные кости двух человек. Кальцинированные и дробленные кости еще одного были рассеяны, как и в предыдущем случае, по всей восточной части святилища. Еще на одном святилище Шайтанского озера – Среднем Шихане – также обнаружены дробленные и кальцинированные кости

двух человек – взрослой женщины и младенца (Сериков Ю.Б., 2007, с. 45–46). На вершине скального останца Старичный (р. Нейва, Средний Урал) в культовом комплексе эпохи средневековья найдены зуб и обломок бедренной кости (Викторова В.Д., Чаиркин С.Е., 1999, с. 168). В непосредственной близости от останца находится писаница на скале Старичный камень. Из трещины под писаницей вместе с каменными орудиями и отщепами извлекли локтевую кость человека (Широков В.Н., Чаиркин С.Е., 1997, с. 45–47). Следует отметить, что находки отдельных человеческих костей под наскальными изображениями встречены и в других местах (озеро Большой Аллак, Идрисовская-II писаница, Кульметовский грот). Как и в пещерах, человеческие жертвоприношения на скалах и вершинах гор датируются ранним железным веком.

Использование в ритуальных целях костей принесенных в жертву людей фиксируется и на культовых памятниках другого типа. На культовом энеолитическом центре Шайтанское озеро-I найдена кость младенца. На городище поздней бронзы Чудская Гора (р. Иртыш, Западная Сибирь) в скоплениях среди костей животных трижды были найдены единичные кости человека. Также в трех случаях фрагменты черепа и отдельных костей скелета были зафиксированы в заполнении и на дне построек (Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995, с. 40). У подошвы Усть-Вагильского холма вместе с фрагментами бронзовых украшений найден обломок человеческой кости (Панина С.Н., 2008, с. 145).

Свидетельства человеческих жертвоприношений выявлены и в раннем железном веке Приуралья (Усть-Туйское костыще, Юго-Камское костыще, Конецгорское городище, Гремячанское святилище, Половинное-I и др.). Обычно костяки перемешаны и имеют следы искусственного расчленения, иногда обожжены. Черепа почти всегда разбиты. Могильные ямы отсутствуют во всех случаях. На Половинном-I и Гремячанском святилищах отмечены случаи захоронения только нижних челюстей. На некоторых святилищах (Усть-Туйском, Юго-Камском, Гремячанском) археологи фиксируют разбрасывание костей человека по культовой площадке (подобное разбрасывание сожженных и раздробленных костей человека отмечено автором и на трех скальных святилищах Шайтанского озера). Видеть в человеческих останках следы военных действий, по мнению А.Н. Лепихина, нет никаких оснований. Он считает, что «никакая военная необходимость не могла заставить ананьинцев разрубать трупы на мелкие куски, четвертовать, отделять от чере-

пов нижние челюсти, обжигать убитых на кострах и т.д. Все эти действия носят явно ритуальный характер». К тому же маловероятно, чтобы жертвами боев стали исключительно дети, как на Гремячанском святилище (11 особей) (Лепихин А.Н., 2007, с. 114–115).

Следует подчеркнуть еще одно наблюдение А.Н. Лепихина: все костища Прикамья (в том числе и с человеческими жертвоприношениями) так или иначе приурочены к высоким участкам местности (Лепихин А.Н., 2007, с. 30).

Ритуалы с применением человеческих жертвоприношений доживают до этнографической современности. При раскопках средневекового святилища (XIII–XVIII вв.) на могильнике Сопка-2 найдена обожженная нижняя челюсть взрослого человека (Молодин В.И., 1990, с. 135). На святилище Сат-виклы (р. Ляпин, Западная Сибирь), которое датируется примерно XVII в., среди костей медведя и лося обнаружена правая плечевая кость взрослого мужчины. В середине XIX в. при молениях у священного озера Лызи (Татарстан) завятские удмурты совершали странный обряд. На огромную ель вешали лубяное чучело человека, которое ударами палок сбивали на землю и в том месте, куда он падал, приносили в жертву барана. По свидетельству старожилов, прежде во время эпидемий и в других исключительных случаях у этого озера совершались человеческие жертвоприношения, которые впоследствии были заменены принесением в жертву овцы (Шутова Н.И., 2001, с. 88–89). В этнографии известны и другие случаи человеческих жертвоприношений (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986, с. 108–109, 151; Макаров Л.Д., 2000, с. 214–215).

Отдельные человеческие кости неоднократно находили и при исследовании уральских торфяников (Шигирский, Горбуновский). На Шигирском торфянике в трех местах (на 2-м Курьинском, Новом и Андреевском приисках) найдены человеческие черепа. Наибольший интерес представляют три черепа с нижними челюстями, найденные на Шигирском (Новом) прииске в восточной части торфяника. Рядом с одним из черепов залегал костяной кинжал. На Горбуновском торфянике в районе 4-го разреза обнаружено несколько человеческих костей неясного происхождения и возраста (Чаиркина Н.М., 2004, с. 128).

В западноевропейских торфяниках, по данным М.Б. Медниковой, обнаружено около 1800 скелетов людей, некоторые без головы, у многих присутствуют следы смертельных ранений. Вполне вероятно, что данные находки представляют собой особые риту-

альные жертвы. Думается, что и на уральских торфяниках не все находки следует интерпретировать как останки утопленников. По-видимому, в древности существовали и специальные ритуалы, связанные с жертвоприношением людей в воду (Медникова М.Б., 2001, с. 162).

Совершенно особой частью древних ритуалов является использование костей человека для изготовления предметов культового характера.

Самой ранней находкой такого рода (25–24 тыс. лет назад) является обработанный и заполненный охрой диафиз левой бедренной кости человека, который находился в погребальном инвентаре богатейшего погребения подростков на палеолитической стоянке Сунгирь (Бадер О.Н., 1998, с. 79).

Также к палеолиту относятся находки из детского погребения палеолитической стоянки Ушки-I (Камчатка) (12–10 тыс. лет назад). Среди мелких обломков разрушенного черепа выявлены молочные зубы человека без корней. Там же найдено и около десятка зубов с подточенными корнями и тонко просверленными отверстиями для подвешивания (Диков Н.Н., 1993, с. 25).

В более поздние эпохи также известны культовые изделия из костей человека. Причем чаще всего они изготавливались из костей черепа. В одном из позднемезолитических погребений могильника Звейниеки (Латвия) найдены две подвески из зубов человека (Zagorskis F., 1987, p. 125). Интересная находка обнаружена в могильнике Сопка-2 (Новосибирская обл.). Могильник располагается в труднодоступном месте на своеобразном «острове мертвых». В разрушенном коллективном погребении эпохи раннего металла найдены костные останки шести человек: мужчины, двух женщин и трех детей разного возраста. Погребальный инвентарь составляли подвески, проколка, игольник, каменный наконечник стрелы и птичьи кости. В развале сосуда байрыцкого типа лежала лопатка прямоугольной формы, вырубленная из человеческого черепа. Размеры лопатки – примерно 8×3,5 см (Молодин В.И., 2001, с. 34, 37).

В энеолитическом кургане (IV–III тыс. до н.э.) в станице Новосвободской (курган №31, погребение 5) найден коренной зуб в оправе из золота с проделанным отверстием (в золоте) для подвешивания. По мнению исследователей, служил в качестве оберега. Данная находка экспонируется в Особой кладовой Эрмитажа. В Сибирской коллекции Петра I также известно два человеческих зуба в золотой оправе, подвешенные на цепочке. Еще два челове-

ских зуба (женский и пожилого человека) были переданы голландскому исследователю сибирских древностей Н.К. Витзену (Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г., 2008, с. 4–5). Происходят эти находки из разграбленных курганов железного века.

На территории Западной Европы изготовление подвесок-амулетов из черепных костей получает распространение уже в эпоху неолита (Медникова М.Б., 2001, с. 133–135). На территории России такие изделия становятся известными начиная с раннего железного века. Первая подвеска из черепной кости была найдена Ф.Д. Нефедовым в 1883 г. при раскопках городища в Костромской обл. Позднее подвески из костей черепа были выявлены при раскопках Одоевского городища в бассейне р. Ветлуги (Медникова М.Б., 2001, с. 18–19). Из современных находок можно отметить обработанные кости левого бедра человека, обнаруженные на Протопоповском городище дьяковской культуры в Подмоскowie (Сыроватко А.С., 2009, с. 81).

Но чаще всего такими необычными предметами являлись чаши из свода черепа. Большей частью они происходят с территории Украины, где относятся к разным культурам поздней бронзы – раннего железа (Кузнецова Т.М., 1993, с. 73–77). Представляют интерес и некоторые обряды, связанные с этими чашами. Например, в одном из погребений могильника Малополовецкое-3 чаша из свода черепа стояла рядом с головой погребенного. В другой могиле (женской) этого же могильника свод черепа и длинные кости были выложены в позе скорченного погребения. Еще в одном погребении (мужском) в ногах и головах умершего стояло по чаше из человеческого черепа. В этом же могильнике зафиксировано 11 захоронений отдельных чаш из свода черепа (Лысенко С.Д., 2004, с. 123–124).

Известны случаи, когда лицевой отдел черепа использовался в качестве ритуальной маски. В большей степени такие находки известны в Европе (пещера Майда-Храшко (Словакия, гальштатт; Манхинг, Германия, кельты). В России подобная маска отмечена в таштыкском могильнике Абаканоперевоз (Минусинская котловина), где она лежала на черепе женщины (Медникова М.Б., 2001, с. 155, 160, 236).

На Урале такие находки крайне редки и пока встречены только на двух памятниках. В Кумышанской пещере (р. Чусовая) найдено разрушенное поздненеолитическое погребение, в котором были захоронены три женщины, два новорожденных ребенка и два

выкидыша. Среди сохранившегося погребального инвентаря следует отметить подвеску в виде профильного изображения лица человека, выполненную из офита – мягкой разновидности змеевика, и локтевую кость бизона, которая лежала вместе с рыболовным грузилом в отдельной засыпанной охрой ямке. В изголовье погребенных стояла чаша из черепа годовалого ребенка, заполненная охрой. Поскольку швы черепа у годовалого ребенка еще не заросли, приходится признать, что свод черепа мог служить чашей только в том случае, если был обтянут кожей. Погребение имеет калиброванную дату – 5622–5574 лет назад (Сериков Ю.Б., 2004, с. 56–57).

Вторая чаша из свода черепа взрослого человека найдена на Южном Шихане Шайтанского озера (Свердловская обл.). Шихан представляет собой гранитный останец высотой около 7 м. Чаша была раздавлена каменной плитой, которой она была перекрыта. Особенностью чаши являются необычно толстые кости черепа, который, по мнению антропологов, принадлежал больному человеку. Ниже чаши находился раздавленный череп женщины с остатками налобной повязки и медными украшениями на ней. Все остатки человеческих жертвоприношений относятся к иткульской культуре раннего железного века (Сериков Ю.Б., 2008, с. 291).

Кроме ритуальных сосудов, из костей человека изготавливали и другие изделия, чаще всего – разнообразные украшения.

Впечатляющими находками являются пять подвесок из вырубленных верхних челюстей человека, найденные в мощном прокале надмогильного сооружения погребений 12 и 13 Кипчаковских курганов (Башкирия). Одна подвеска была вырублена из верхней челюсти с остатками зубов. У нижней челюсти отрубили венечный отросток, затем ее распилили пополам вдоль и поперек, и из каждой четверти изготовили по подвеске. В самой крупной подвеске сохранились зубы. Все подвески из нижней челюсти имели по два отверстия, а из верхней – одно. Все части челюстей происходят от одной особи, предположительно, от женщины 18–30 лет. Датируются данные находки II–I вв. до н.э. (Зубов С.Э., 2007, с. 79, рис. 6).

В Игнatieвской пещере (Южный Урал) сохранился фрагмент верхней челюсти взрослого человека, который, по мнению антропологов, также вырублен из черепа. Автор раскопок В.Т. Петрин (1992, с. 157, 198) относит находку к раннему железному веку.

Подобная подвеска из фрагмента просверленной нижней челюсти человека известна на Серенькинском городище раннего же-

лезного века (Башкирия) (Иванов В.А., 2003, с. 202). Изделия (подвески) из вырубленных верхних челюстей человека с отверстиями найдены в погребениях 25/1 и 37 Андреевского кургана (Мордовия). Относятся они к более позднему времени – к первым векам н.э. П.Д. Степанов (1973, с. 86–87; рис. 27–29) считает их военным трофеем, который крепился на конской упряжи и являлся показателем воинской доблести.

Также в погребении 37 Андреевского кургана находились первые фаланги пальцев человеческой руки, которые, по мнению автора раскопок, подвешивались вместе с кожей, снятой с кисти руки (Степанов П.Д., 1973, с. 87). Подобная подвеска, выполненная из просверленной фаланги пальца, найдена и на Серенькинском городище (Иванов В.А., 2003, с. 202). Возможно, три фаланги человека, найденные в Уньинской пещере, также использовались в качестве подвесок (Канивец В.И., 1964, с. 130). А.И. Соловьев отмечает особое отношение к пальцам у разных народов. Он приводит сведения о том, что пальцы считалисьместилищем души и физической силы. Поэтому у убитых врагов отрезали пальцы и использовали их в качестве важных фетишей (Соловьев А.И., 1990, с. 100).

Еще одна удивительная находка обнаружена в Пещере Туристов на р. Чусовой. Это обломанное острие длиной 10,3 см, изготовленное из бедренной кости человека. Обработано оно металлическим ножом (Сериков Ю.Б., 2004, с. 42). Из мифов манси и хантов следует, что стрела, изготовленная из человеческой кости, обладала большой смертоносной силой. Сделанная из голени человека, она пробивала камень (Мифы, сказки, предания хантов и манси, 1990, с. 538; Чернецов В.Н., 1971, с. 85).

Подобная находка – шило из человеческой кости – найдена и на Юшковском городище ананьинской культуры в Прикамье (Лепихин А.Н., 2007, с. 114). А в одном из погребений Котловского могильника (Прикамье, ранний железный век) найден амулет из черепной кости человека (Лепихин А.Н., 2007, с. 114).

Таким образом, жертвоприношения людей производились во все археологические эпохи и на разных территориях. Причины появления таких ритуалов еще долго будут оставаться объектом внимания не только археологов, но и антропологов, и философов. Корни этого явления лежат не только в социальной организации древнего общества, но и в коллективной и индивидуальной психике человека. Восприятие окружающей реальности в традиционных культурах определялось мифологическим сознанием. Психологи-

ческую устойчивость социума обеспечивала обрядность. В кризисных в жизни древних коллективов ситуациях благополучие социума пытались достичь при помощи человеческих жертвоприношений.

Все человеческие жертвоприношения можно подразделить на несколько категорий. Первыми в этом ряду будут стоять жертвенные погребения людей на могильниках, поселениях, городищах, святилищах. Если жертвенный характер погребений на святилищах, городищах и культовых площадках поселений не вызывает особых возражений, то жертвенность погребений на могильниках (пример с захоронением детей на Сунгире) требует весомых доказательств. Общепринято считать, что жертвенные погребения производились в пороговых ситуациях и были предназначены для обеспечения благополучия человеческих коллективов.

Второй тип жертвенных погребений – сопроводительный. Захоронения социально значимых лиц (прежде всего – служителей культа) сопровождалось принесением в жертву помощников (проводников). Данный аспект хорошо просматривается на примере погребения шамана и его помощницы в гроте камня Дождевого на р. Чусовой. Шаман был убит из засады выстрелом в спину. Судя по ряду признаков, его можно отнести к шаманам, которые были связаны с темными силами нижнего мира. Неудивительно, что его помощницей являлась женщина, духом-покровителем которой была выдра. Из-за страха перед душой убитого шамана его связали, и, возможно, именно с этим связана скорченная поза погребенного. Также возможно, что по этой причине была насильственно умерщвлена и захоронена рядом с шаманом его помощница. По-видимому, она должна была выполнить несколько функций: сопровождать душу шамана на нелегком пути в нижнем мире, не дать душе шамана вырваться наружу из пещеры и воспрепятствовать надругательству над телом шамана (Сериков Ю.Б., 2001, с. 53).

Важную роль в культовой практике древности имели ритуальные действия с черепом погребенного. Именно череп человека чаще всего был объектом ритуальных действий. Этнографические данные свидетельствуют, что черепа считались эмблемами воинской власти, трофеями, амулетами, предметами поклонения (Вадецкая Э.Б., 1980, с. 104–111; Медникова М.Б., 2004, с. 40–45). Следует отметить, что ритуалы с использованием черепа производились в могилах, межмогильном пространстве и на святилищах.

По всей видимости, эти ритуалы имели различное семантическое наполнение, о котором мы можем только догадываться. Сле-

дует учитывать и точку зрения В.С. Флерова (2007, с. 157–158), который считает, что ритуальные действия с черепами являлись отражением в том числе обрядов обезвреживания погребенных и перезахоронений.

Анализ погребений без голов, а также отдельно захороненных черепов позволяет говорить об особом социальном статусе захороненных таким способом людей. Одни исследователи считают, что ритуальные действия с черепом связаны с культом предков и культом плодородия (Усманова Э.Р., 2005, с. 340–341). Другие в этих обрядах видят древние представления о черепе как вместилище души (Бобров В.В., 1994, с. 4–5). Возможно, что фиксируемый на ряде памятников ритуал с разбиванием черепов проводился с целью быстрее освобождения души.

Любопытные данные о культе голов можно найти в этнографии обских угров. В.Н. Чернецов отмечает, что после похорон умершего у них очень часто сохраняются черепа. Объясняется это тем, что череп является самой важной частью скелета, так как именно в нем обитает главная возрождающаяся (четвертая) душа человека. Сохранение черепов особенно распространяется на покойников, являвшихся при жизни наиболее важными представителями данного рода. Он также подчеркивает, что и у человека, и у животного первоначальной обителью души после третьей, окончательной, смерти являлся именно череп (Чернецов В.Н., 1959, с. 154–156).

Неоднократно фиксируемые ритуалы с изъятием и использованием нижних челюстей человека (см., например: Ефремов С.А., 2006, с. 44–47; Флеров В.С., 2007, с. 121–128) свидетельствуют о специфике их семантического наполнения. По представлениям эвенков-орочонов, в нижней челюсти находилась душа животного (Мазин А.И., 1984, с. 26–27). Возможно, это относится и к человеку. Колдуны в Новой Каледонии использовали челюсть из скелета предка в обряде магического управления солнцем (Лаушкин К.Д., 1959, с. 94). По свидетельству Н.Н. Миклухо-Маклая (1955, с. 174, 395), местные туземцы сохраняют нижнюю челюсть умершего человека. Ближайший родственник умершего нередко носит ее при себе в виде браслета.

Несомненно, именно с особым отношением к черепу связаны и разнообразные изделия из его частей. Подвески из челюстей, зубов, свода черепа, по-видимому, могли использоваться (в зависи-

мости от ситуации) и в виде амулетов (оберегов, апотропеев), и в качестве талисманов (приносящим удачу). Чем выше был социальный статус человека, тем более сильным и эффективным было воздействие изготовленных из его черепа амулетов и талисманов.

Из других частей человеческого скелета чаще всего использовались фаланги пальцев руки и бедренные кости. Подвески из фаланг пальцев человека были известны уже в эпоху бронзы. Согласно представлениям северных народов, пальцы считалисьместилищем души и физической силы. Именно поэтому у убитых врагов отрезали пальцы. Такой обычай у остяков и самоедов существовал еще в XVII в. (Соловьев А.И., 1990, с. 100).

Изделий из бедренных костей человека (причем преимущественно из левых) пока известно немного, но они уже образуют серию. Несколько заостренных в форме перьевой ручки бедренных костей было найдено в неолите Франции и Испании (Медникова Н.Б., 2001, с. 150). Выше упоминались изделия из Сунгиря, Протопоповского городища и пещеры Туристов. Какое значение имели именно бедренные кости человека, – остается неясным.

Самым распространенным видом человеческих жертвоприношения является использование отдельных или единичных костей человека. Их находки известны на разных памятниках культового характера (в пещерах, на вершинах скал и гор, у подножья скал с писаницами). Первоначально такие находки связывали с разрушенными погребениями. Сейчас мало кто сомневается в их жертвенном характере. Жертвенные ритуалы с использованием отдельных человеческих костей фиксируются уже в мезолите (пещера Котел на р. Чусовой), известны они и в последующие эпохи, но наибольшее распространение получили в раннем железном веке.

Обычно археологи фиксируют факты нахождения отдельных человеческих костей на памятнике, не пытаясь установить их семантическое наполнение. Чаще всего ограничиваются высказыванием традиционной на такие находки точки зрения – остатки человеческих жертвоприношений. Несколько шире попыталась взглянуть на подобные находки Н.С. Ефремова. Она приводит три варианта интерпретации обнаруженной на святилище Кучерла-1 человеческой кости: 1) остатки жертвоприношения. Причем единичная кость человека могла быть пожертвована по принципу «часть вместо целого». Следовательно, единичная кость могла символизировать жертвоприношение человека; 2) единичные кости человека могли приносить на святилище с целью воспроизводства конкрет-

ной родовой группы; 3) кость человека могла являться атрибутом культа, бытовавшего на святилище в древности (Ефремова Н.С., 2009, с. 132–136).

По всей видимости, обряды с использованием костей человека и изделий из них были строго конкретны в каждом отдельном случае. Пока об этих обрядах мы можем говорить только в общих чертах: жертвоприношения; страх перед мертвыми; обезвреживание погребенных; культ предков и т.п. Ясно одно, – кости человека и после его смерти обладали высокой сакральной силой. Возможно, что сила эта зависела от статуса умершего. Могущество умершего вождя или шамана продолжало служить конкретному социуму в их костных останках и изделиях из их костей и после смерти. Также ясно, что человеческие жертвоприношения практиковалось в наиболее важных, кризисных в жизни древних коллективов ситуациях.

Библиографический список

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: археологический очерк. Тобольск, 2008.

Бадер О.Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Бадер О.Н. Сунгирь. Позднепалеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

Берс Е.М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. 1976. №4.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. XIII.

Бобров В.В. Реконструкция обрядовых действий с головой умершего // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1995. Ч. 2.

Бужилова А.П. Парные и непарные коллективные захоронения верхнего палеолита. Критерии отбора погребенных // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Бутримас А., Гирининкас А. Старые местные и новые погребальные обряды в неолите Литвы // Исследования в области балтославянской духовной культуры: (погребальный обряд). М., 1990.

Вадецкая Э.Б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.

Викторова В.Д. Туманское-I поселение, святилище, костище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

Викторова В.Д. Культовые памятники в верховьях р. Исети // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы темат. науч. конф. СПб., 2000.

Викторова В.Д., Чаиркин С.Е. Останец Старичный – новый памятник петрогромской культуры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

Воробьева С.Л. Особенности пещерной археологии Южного Урала // История. Право. Образование: материалы III регион. науч. конф. молодых историков. Нижний Тагил, 2008.

Вохменцев В.П. Энеолитические святилища Зауралья // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы темат. науч. конф. СПб., 2000.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.

Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.

Ефремов С.А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006.

Ефремова Н.С. Антропологические материалы на святилище Кучерла-1 (Куйлю): проблемы интерпретации // Вестник Новосибирского гос. университета. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. Сер.: История, филология. 2009.

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. Вып. 6–7.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. Вып. 4.

Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.

Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: препринт. Свердловск, 1990.

Кузнецова Т.М. Потѣрюв скифского логоса Геродота // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. №4.

Лаушкин К.Д. Онежское святилище. Ч. 1: Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Т. 4.

Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Человеческие жертвоприношения на памятниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 3.

Лысенко С.Д. К семантике захоронения свода черепа // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: материалы темат. науч. конф. СПб., 2004.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочанов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Макаров Л.Д. О человеческих жертвоприношениях (по материалам Прикамья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000.

Мамин Д.Н. Отчет по археологическим раскопкам за 1889 год // Древности: (труды Моск. археол. об-ва). М., 1894. Т. XV, вып. 2.

Матвеев А.В., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П., Дегтярева А.Д. Рекогносцировочные раскопки в Ингальской долине в 1995 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1.

Медникова М.Б. Трепанация у древних народов Евразии. М., 2001.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 5 т. Т. I: Дневники путешествий (1870–1872). М.; Л., 1950.

Мифы, сказки, предания хантов и манси. М., 1990.

Молодин В.И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т. 1.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976.

Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Петрин В.Т., Смирнов Н. Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977. Вып. 14.

Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций: (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23.

Сериков Ю.Б. Культовые комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1.

Сериков Ю.Б. «Культ голов» в каменном веке Урала // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: материалы Междунар. науч. конф. Ижевск, 2002.

Сериков Ю.Б. Культовые пещеры реки Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.

Сериков Ю.Б. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро-II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. №2.

Соловьев А.И. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. М., 1973. Вып. 136.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.

Усманова Э.Р. «Культ черепа» в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001.

Усманова Э.Р. О ритуале намеренного разрушения погребения // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской арх.-этнограф. конф. Томск, 2005.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. М., 2007.

Хвостов В.А. Захоронения эпохи энеолита могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.

Чаиркина Н.М. Тайны торфяников // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. САИ. В4-12(2). М., 1971.

Шерстобитова О.С. Символы смерти в погребальном обряде древнего населения Западной Сибири // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки-Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

Юрин В.И. Комплексные исследования в Южном Зауралье // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga, 1987.

И.Л. Симонова

ООМНИИ им. М.А. Врубеля, г. Омск

**«КОГДА НА НЕБЕ СВЕТИЛИ ТРИ СОЛНЦА»
(опыт реконструкции мифологического сюжета)**

В петроглифах Горного Алтая широко известен сюжет с изображением лучника в окружении оленей (Калбак-Таш, Елангаш и т.д.). Еще в 1970-х гг. Е.А. Окладникова сопоставила его с алтайским сказанием о Великом стрелке Когульдее и трех маралухах – Уч-Мыйгах – трех звездах пояса Ориона (в иных мифологических традициях – трех сестрах-солнцах). Исследовательница провела широкие культурологические параллели с архаическими преданиями древней Евразии – эпосом тунгусоязычных народов Сибири; мифологией народов Амура и Сахалина; Монголии и Бурятии – и пришла к выводу, что почти у всех палеосибирских народов сохранился единый в своей основе миф (различие появляется лишь в деталях): некий охотник (на Алтае – это Эрке-Когульдей, у эвенков – Мани и т.д.) начинает преследование Белого лося, оленя или маралухи и, стреляя в него из лука, возносится на небо, превращаясь в созвездие Ориона (Окладникова Е.А., 1990, с. 11–14). Все это, по ее